

КОНТРОЛЬ НАД МЕСТНОЙ ПРЕССОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1917–1938 ГГ.)

Л. А. Турпалов

*Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х. Ибрагимова Российской академии наук*

Поступила в редакцию 25 апреля 2020 г.

Аннотация: система журналистики автономий Северного Кавказа сложилась под непосредственным контролем большевистской партии как важнейшее средство идеологического обеспечения режима. В силу того, что край был многонациональным, отличался неравномерностью экономического, политического и культурного развития отдельных регионов, формы и методы партийного руководства средствами массовой информации в крае имели свои особенности. Нехватка квалифицированных специалистов не позволяла создать в национальных областях фискальную систему контроля над идеологической сферой, поэтому надзорными функциями наделялись органы, совершенно далекие от журналистики.

Ключевые слова: история журналистики Северного Кавказа, цензурная политика большевистской партии.

Abstract: the journalism system of the autonomies of the North Caucasus has developed under the direct control of the Bolshevik party as the most important means of ideological support for the regime. Due to the fact that the region was multinational, it was characterized by uneven economic, political and cultural development of individual regions, the forms and methods of party leadership of the media in the region had their own peculiarities. The lack of qualified specialists did not allow creating a fiscal system of control over the ideological sphere in national areas. Therefore, Supervisory functions were assigned to bodies that were completely removed from journalism.

Keywords: history of journalism in the North Caucasus, censorship policy of the Bolshevik party.

В автономиях Северного Кавказа в годы строительства социализма зародились национальные пресса, радиовещание, определились основные формы и методы работы коллективов редакций, были созданы национальные кадры журналистики. В течение первых пятилеток сформировалась система средств массовой информации и пропаганды, которая в дальнейшем все совершенствовалась. Новая власть поставила под особый контроль вопросы развития письменности, создания национальной прессы и литературы малых народов. На важность этой задачи указал VIII съезд РКП(б), в резолюции которого говорилось: «Национальная пресса в особенности требует усиления партруководства и укрепления политически выдержанными партработниками-журналистами» [1, 257].

Процессы развития журналистики в национальных областях имели свои закономерности и особенности как в становлении системы и типа изданий, так и в содержании выступлений печатных органов. Связано это было со многими факторами. Во-первых, к началу социалистического строительства Северный Кавказ отличался не только пестротой национально-го состава, но и неоднородностью экономического,

социально-политического и культурного развития различных районов, что требовало особого подхода в деятельности по привлечению на сторону советской власти каждого из народов. Во-вторых, северокавказские народы не имели своей функционирующей письменности, а подавляющее большинство горцев не владело русским языком. Значит, большевистская пропаганда не могла быть эффективной в условиях края. Как утверждает А. Антонов-Овсеенко, «...большевики, безусловно, отдавали себе отчет в том, что без обеспечения превосходства на информационном поле оставался серьезный риск потери всех прочих организационно-политических завоеваний» [2, 278].

Вот почему становление национальной прессы, как, впрочем, и всей печати в стране, протекало под пристальным вниманием большевистской партии, которая обладала монополией на все средства массовой информации и пропаганды. Как отмечает историк северокавказской журналистики З. Хуако: «В мероприятиях по усилению влияния на печатные органы национальных республик и областей уделялось особое внимание формированию специального аппарата, призванного осуществлять политическое руководство многонациональной советской печатью. Для улучшения национальной печати в резолюции XII партийного съезда предусматривалось

усиление контроля и инструктирования газет национальных меньшинств со стороны Агитпропотдела ЦК РКП(б). Созданием еще в ноябре 1921 года подотдела печати при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б), а также регулярным выпуском журнала «Красная печать» было положено начало единому руководству партийными печатными органами, инструктированию и информированию местных периодических изданий, обобщению и распространению положительного опыта в деятельности прессы» [3, 35].

Для получения достоверных сведений о состоянии печатной пропаганды в тех или иных республиках и областях подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) проводил анкетирование путем рассылки специальных «анкет печати» в местные партийные организации. В анкетах давались сведения о газетах и других периодических изданиях, такие как количество печатных органов, обеспечение редакций постоянными журналистскими кадрами и их материальное положение, наличие корреспондентской сети и связь с авторами, местными организациями и учреждениями, фабриками и заводами, а также с крестьянством, типографская база, снабжение бумагой и финансовыми средствами, рентабельность печатно-издательского дела, регулярность и периодичность выпуска, соотношение количества газетных публикаций, подготовленных собственными силами, и материалов РОСТА и его местных отделений, тиражи и т.д. В анкетах большое место отводилось анализу деятельности подотделов печати.

Так, в 1922 г. подотдел печати Агитпропотдела ЦК РКП(б) провел анкетирование в Кубано-Черноморской и Терской областях, на территориях которых до предоставления им автономии проживали народы Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Используя «анкету печати», ЦК партии изучал состояние печатной пропаганды среди горских трудящихся, намечал пути развития печати на языках северокавказских народностей [3, 36].

Эту же тенденцию выделяет и Х. Текеева в своей диссертации, посвященной вопросам становления системы журналистики в крае: «Административно-командная система не могла допустить никаких отклонений от ее указаний, тем более что газеты были едва ли не единственным источником формирования мировоззрения масс. Не случайно в начале двадцатых годов при всех партийных комитетах были созданы отделы или подотделы печати, которые осуществляли идейное руководство и партийный контроль над всеми периодическими изданиями региона. Они инструктировали редакции газет и журналов, определяли основные направления их деятельности в период важнейших политических и хозяйственных кампаний, осуществляли партийное руководство рабселькоровским движением» [4, 46].

Первый декрет Советской власти, принятый через день после октябрьского переворота, был посвящен именно печати. В нем было заявлено, что «...как только новый порядок упрочится, — всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [5, 25]. «Новый порядок» упрочился после победоносной для большевиков Гражданской войны, но обещанная «полная свобода» для печати так и не появилась — напротив, цензура усилилась. Особенно в национальных районах, где Советская власть не имела такой же поддержки, как в промышленных центрах. В силу того, что еще не сложилась фискальная система контроля над идеологической сферой, порой надзорными функциями наделялись органы совершенно далекие от журналистики, литературы, искусства. На разных этапах установления диктатуры большевиков эту роль выполняли даже военно-революционные комитеты, военные ведомства.

В 1920–1921 гг., отмечает М. Каражаева, Владикавказскому отделу народного образования были даны полномочия цензурного ведомства фактически на всей территории Горской АССР [6, 54]. Газета «Коммунист» в связи с этим писала: «По постановлению Ревкома Терской области, ни одна газета, ни одна пьеса в театре и картина в кинематографе не может появиться без предварительного просмотра их представителями Отдела народного образования» [7]. Однако сам отдел, где заведующим литературного подотдела был известный впоследствии писатель М. Булгаков, считался у местных большевиков политически ненадежным. Сотрудники отдела часто становились объектом критики за «непролетарскую» оценку театральных представлений, публикаций в прессе. Так, Булгакова за выступление на диспуте «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения» 29 июня 1920 г. во владикавказском Доме артиста обвинили чуть ли не в контрреволюционности в газете «Коммунист» [8]. Такого рода публикации привели к тому, что вскоре все заведующие подотделами были уволены [6, 55].

Цензурный режим в крае заметно ужесточился, когда по декрету Совнаркома 6 июня 1922 г. в структуре республиканской власти был создан Горский литературный отдел (Горслит), который руководствовался «Военно-цензурными установлениями Горской республики». На отдел возлагался «внимательный просмотр всех произведений как рукописных, так и печатных изданий, периодических и непериодических, снимков и рисунков. На всех произведениях печати должна была быть виза Главного управления по делам литературы и издательства» [6, 63].

Исследователь прессы Северного Кавказа М. Каражаева в своей диссертации приводит текст документа, подписанного начальником Горского отдела ГПУ

А. Емельяновым и направленного в литературный отдел Наркомпроса ГАССР. В нем говорится: «Горский отдел ГПУ предписывает вам не допускать в прессу заграничной информации помимо РОСТА, которое используется для этого всеми средствами связи. За допущение в прессу сведений, получаемых местными радиостанциями, и их самовольное распространение виновные будут привлекаться к законной ответственности» [6, 66]. Инакомыслие пресекалось на корню.

Принципы партийного руководства прессой обуславливались положением правящей партии, которая формулировала свою политику в программных документах, декларациях и лозунгах и проводила ее в жизнь посредством печати. Отсюда трактовались упрощенно принципы взаимодействия печати с партийными комитетами, причем рассматривая печатные органы как некие «приводные ремни» от партии к массам. Пресса в национальных образованиях, созданная с самого начала как партийно-советская, выводилась из-под влияния Советов, профсоюзов, других учредителей. Им оставалось материально-техническое снабжение, экономическое и финансовое обеспечение периодических изданий и отводилась роль снабженцев.

Национальная пресса стала превращаться в мощное орудие пропаганды идей социализма среди народностей России, играла огромную роль в укреплении диктатуры большевистской партии. Система авторитарной журналистики выстраивалась по вертикали от центральных изданий до многотиражной печати. Орган, находящийся в вертикали на верхней ступеньке, выполнял одновременно и роль цензора по отношению к нижестоящим. Как подчеркивает исследователь журналистики первых лет советской власти Н. Тобольцева: «В сформированной вертикальной структуре периодики, встроенной на соответствующих уровнях в иерархическую партократическую систему, центральные издания занимали высшую ступень и практически составляли единое целое с властью» [9, 29].

Следует заметить, что в этой системе важную роль играла районная и низовая пресса. В национальных окраинах центральные и областные издания практически не распространялись из-за массового незнания русского языка. Так, в Урус-Мартановском районе, самом крупном в Чеченской области, в 1933 г. распространялись два экземпляра «Правды», 65 — «Серло» («Свет»), 38 — «Грозненского рабочего» и 5 — краевой газеты «Молот» [10, 156], а выходящие на родных языках местные газеты были доступны горцам как по содержанию, так и пониманию. Однако постановка районного и многотиражного сегмента печати встретилась в национальных регионах с большими трудностями. Если к концу первой пятилетки проблема журналистских кадров в областных городах в основном была решена, то в районной и низовой печати положение оставалось все еще тя-

желым. Развитие периодических изданий на языках народностей требовало новых и новых сотрудников.

Поэтому большевистские партийные организации развивали низовую печать под пристальным контролем. В роли наставников в проведении линии партии в местной печати часто выступали центральные и региональные профессиональные журналы. Они отражали на своих страницах дух партийной политики в области печати, трактовали партийное руководство прессой как жесткий диктат. Так, анализируя данные выборочного обследования районных национальных газет, журнал «Революция и национальности» отмечал их «значительное неблагополучие» и сетовал: «Весьма значительная часть (до 20 процентов) районных национальных газет плохо борется за коллективизацию сельского хозяйства, не понимает, а часто даже искажает задачи классовой борьбы в национальной деревне, не ведет нужной борьбы на два фронта против уклонов от генеральной линии партии. Справляются с этими задачами лишь немногие национальные районные газеты — до 15 процентов» [11, 99].

В соответствии с вертикальной структурой большевистской партократии, руководящая роль по отношению к районной и многотиражной прессе принадлежала и областным изданиям. Так, орган Чеченского обкома партии «Грозненский рабочий» посвятил развитию районной и фабрично-заводской прессы передовую статью «Низовую печать — на уровень задач второй пятилетки», в которой указывалось, что «укрепление и дальнейшее развитие фабрично-заводской печати немыслимо без усиления партийного руководства низовой печатью» [12]. В обзоре «В полосе докладов» «Грозненский рабочий» дал анализ деятельности районной газеты «Сунженский колхозник». «В громких широковещательных призывах газета недостатка не имеет, — пишет орган обкома ВКП(б). — А вот найти на ее страницах хотя бы признак организаторской работы — будет труднее» [13]. Газета наставляла: только улучшение связи с массами, широкое участие селькоров сможет повысить качество содержания выступлений «Сунженского колхозника». Областная чеченская газета «Серло» также активно способствовала развитию низовой печати, регулярно размещая на страницах критические обзоры и рецензии. В одном из обзоров «Серло» были проанализированы материалы газет «Колхозхо» («Колхозник») Урус-Мартановского района и «Цен ламанхо» («Красный горец») Шатоевского района. Редакция дает рекомендации, как улучшить содержание районных газет, указывает на важность регулярности выхода [14]. Эта форма контроля над низовой прессой со стороны областных изданий была характерна для всего края.

Сеть низовых и районных газет в течение 1930–1936 гг. была создана во всех автономных областях и республиках страны. Конечно, эта деятельность

направлялась большевистскими партийными организациями. Деятельность обкомов по организации и развитию районной и низовой печати была неоднократно предметом обсуждения Северо-Кавказского крайкома. В постановлении «О задачах национальной печати Северо-Кавказского края в условиях социалистической реконструкции нацобластей», принятом в марте 1931 г., крайком обязывал редакции областных газет оказывать систематическую поддержку национальным районным газетам [15, 23].

Бюро Чеченского обкома партии в 1932 г. рассмотрело вопрос «О состоянии районной печати». Обком отметил недостатки районных газет, обязал областные органы оказывать широкую помощь районным газетчикам в налаживании выпуска местных изданий [16].

Вся система советской прессы была тотально подчинена большевистской партии и служила пропаганде одной идеологии — коммунистической. «Заложенные с ноября 1917 г. в Декрете о печати временные положения о чрезвычайных мерах по отношению к прессе в условиях командно-административной системы руководства и культа личности стали постоянными, больше того, они получили дальнейшее развитие» [3, 67], — справедливо отмечает З. Хуако. Игнорировалась, в частности, установка о том, что «стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых». Складывалась такая ситуация, когда «в пределах абсолютно необходимых» не было пределов. Установленные декретом «всякие административные воздействия на печать» не прекращались, а, напротив, наращивались, хотя их отмена предусматривалась «по наступлении нормальных условий общественной жизни» [5, 25]. Так и не восторжествовала обещанная печати «полная свобода».

Установив монополию на идеологию, партия стала формировать систему подготовки журналистских кадров, в том числе и национальных, ориентированных только на поддержку советской власти. В постановлении «Об улучшении партруководства печатью» (03.10.1927) ЦК предложил «усилить привлечение в Государственный институт журналистики слушателей из нацреспублик и областей, а также расширить практику организации журналистских отделений в нацкомвузах» [10, 156]. Указывалось также на то, чтобы в короткий срок разработать план профессионального образования работников печати, важным звеном которого являлось налаживание учебы журналистов на местах. «Единственным ответом на вопрос, откуда взять работников, может быть только подготовка работников печати на местах, — писал журнал «Красная печать». — Сами места, сама национальная печать должны взяться за эту работу» [17, 16].

По директивам Центрального комитета областные партийные организации значительно расши-

рили сеть курсов работников печати, увеличили состав их слушателей. В начале 1930-х гг., в связи с созданием районных, фабрично-заводских газет и организации в райцентрах типографий, возросла потребность в рабочих-полиграфистах. Поэтому были созданы новые и расширены уже действующие полиграфические школы ФЗУ. В решении президиума Северо-Кавказского нацсовета от 14 марта 1932 г. говорилось: «Считать необходимым организацию краевой полиграфической национальной школы ФЗУ путем расширения контингента учащихся адыгейской национальной полиграфической школы до 120 человек. Возложить на нее подготовку квалифицированных рабочих, полиграфистов для всех национальных областей края» [18]. Кроме того, учебные заведения Москвы, Ростова-на-Дону, Баку выделили места для представителей народностей Северного Кавказа.

В условиях большевистской партократии масс-медиа выполняли роль важнейшего инструмента манипулирования массовым сознанием, в установлении тотального контроля партии в сфере идеологии. Поэтому нельзя оправдывать деятельность большевистских СМИ, в том числе и местных, по формированию в массах негативного отношения к национальным традициям, религии, по формированию культа личностей большевистских лидеров, оправданию репрессий, развязанных партией против граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. О печати: Резолюция XIII съезда РКП(б), 23–31 мая 1924 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — 9-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 3. — С. 254–261.
2. Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Антонов-Овсеенко. — Тверь, 2013.
3. Хуако З. Ю. Формирование системы печати в условиях советской автономии (на опыте партийно-советской прессы народов Северного Кавказа. 1920–1936 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / З. Ю. Хуако. — М., 1991.
4. Текеева Х. А. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Х. А. Текеева. — М., 2003.
5. Декрет о печати. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты советской власти. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — М.: Госполитиздат, 1957. — Т. 1. — С. 24–25.
6. Каражаева М. Б. Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Каражаева. — СПб., 2003.
7. Коммунист. — 1920. — 17 апр.
8. Коммунист. — 1920. — 30 июня.
9. Тобольцева Н. М. Тоталитаризм и журналистика /

Н. М. Тобольцева. — М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики, 2004.

10. Об улучшении партруководства печатью: Постановление ЦК ВКП(б), 3 октября 1927 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. — М.: Мысль, 1972.

11. Революция и национальности. — 1931. — № 5.

12. Грозненский рабочий. — 1933. — 10 янв.

13. Грозненский рабочий. — 1934. — 20 апр.

14. Серло (Свет). — 1934. — 15 янв.

15. Партработник Северного Кавказа. — 1931. — № 9.

16. Партийный архив Чечено-Ингушского обкома КПСС. Ф. 241, оп. 1, д. 79, л. 65.

17. Красная печать. — 1925. — № 16.

18. Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР. Ф. 158, оп. 1, д. 1143, л. 1–2.

*Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х. Ибрагимова Российской академии наук*

*Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник лаборатории историко-этнологиче-
ских исследований*

E-mail: turpalov@list.ru

*The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy
of Sciences*

*Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher
E-mail: turpalov@list.ru*